

Рецензия

УДК 27

https://doi.org/10.25803/26587599_2023_46_150

В. В. Александров

**Рецензия на книгу:
Приходько Г. Епископ и каноническая
территория: I–XIII вв.**

Москва : Вече, 2022. 400 с.

Виктор Владиленович Александров

Независимый исследователь, Будапешт, Венгрия, alexandrov.v@gmail.com

Viktor V. Alexandrov

Independent scholar, Budapest, Hungary, alexandrov.v@gmail.com

для цитирования: Александров В. В. Рецензия на книгу: Приходько Г. Епископ и каноническая территория: I–XIII вв. Москва : Вече, 2022. 400 с. // Вестник Свято-Филаретовского института. 2023. Вып. 46. С. 150–158. https://doi.org/10.25803/26587599_2023_46_150.

FOR CITATION: Alexandrov V. V. (2023). "Book review: Prikhodko G. Bishop and canonical territory: I–XIII centuries. Moscow : Veche, 2022. 400 p.". *The Quarterly Journal of St. Philaret's Institute*, iss. 46, pp. 150–158. https://doi.org/10.25803/26587599_2023_46_150.

Если вы интересуетесь экклезиологией или каноническим правом (а кто же не интересовался ими до недавнего времени, хотя бы на уровне споров в социальных сетях), то название книги Григория Приходько должно привлечь ваше внимание. Пылкие споры о «канонической территории», т. е. о принадлежности той или иной страны или региона одной или другой поместной церкви, ведутся в православии регулярно. Однако любопытным образом,

© Александров В. В., 2023

происхождение понятия остается неясным, а его необходимость спорной. Особенно отчетливо эта спорность видна в так называемой диаспоре (или «на Западе») — в тех странах, которые не относились до XX столетия к традиционно православным странам, но в которых в результате эмиграции появилось заметное православное меньшинство. Разные православные юрисдикции, как правило, мирно сосуществуют здесь друг с другом (при том, что Константинопольский патриархат считает эти территории объектом своего преимущественного пастырского попечения) и с другими христианскими церквями. Чья же это «каноническая территория»?

Понятие «канонической территории» широко распространилось в «прикладной канонистике» в последние три, может быть, четыре десятилетия. Покойный игум. Иннокентий (Павлов) сожалел однажды в своем посте в фейсбуке, что помог разработать это понятие в годы своей работы в Московской патриархии. Насколько это утверждение верно и насколько верно считать местом рождения современного понятия «каноническая территория» ответственные учреждения Московской патриархии, судить не берусь, однако для меня очевидно, что в том виде, в котором это понятие ныне используется, оно, по церковным меркам, новое. Как бы то ни было, в осмыслении понятия «канонической территории» определенно есть необходимость.

В предисловии к своей книге Григорий Приходько пишет, что именно все большее распространение в канонической литературе термина «каноническая территория» послужило основным мотивом для его исторического исследования. По этой причине он счел необходимым «приступить к изучению истории отношения церкви к территории, на которой образовывались и развивались ее общины» (с. 3). Автор книги убежден, что именно изучение истории поможет прояснить многие современные вопросы, возникающие в отношениях между православными церквями и, шире — христианскими конфессиями (с. 3). Это убеждение автора в обучающей и проясняющей, хотя бы для немногих, силе истории я в целом разделяю.

Приходько поделил исторический и канонический материал, который он рассматривает в книге, на три неравные части. Первая, наиболее пространная (с. 23–213), посвящена развитию территориального устройства первохристианства, затем — церкви в Римской империи и далее — в государствах, наследовавших империи на Западе и Востоке. Здесь история доведена до эпохи кресто-

вых походов и возникновения параллельной латинской иерархии на Востоке. Во второй части (с. 214–271) рассматривается территориальная организация церкви в Персидской империи и в других странах Востока, где существовали епархии патриархата Селевкии-Ктесифона. Наконец, третья часть (с. 272–291) посвящена территориальному устройству Армянской церкви. Книгу сопровождает обширный справочный аппарат (с. 308–391), состоящий из списков императоров, пап, патриархов, правителей Персии и Армении и из библиографии. Огромный территориальный охват, довольно неожиданный, по-видимому, объясняется желанием увидеть и сравнить отношение церкви к территории в исторически разных культурных регионах. Весьма широки и хронологические рамки работы Приходько: она охватывает период от самого основания церкви до XIII в. Столь обширный географический и временной диапазон неизбежно делает работу весьма и весьма обзорной, и эта черта характерна, в разной степени, для всех трех частей книги, но особенно для ее персидских и армянских глав. В целом книгу можно охарактеризовать как обзор развития территориального церковного устройства в трех названных регионах с момента возникновения христианской церкви до XIII в. включительно.

Концепцию автора выявить не просто, так как она ясно не сформулирована, а повествовательное начало в книге заметно преобладает над аналитическим. Отмечу три элемента, которые периодически возникают в работе Приходько и которые можно отнести к его концепции. Во-первых, в разных частях книги автор возвращается к противопоставлению личной и территориальной юрисдикций. В первой части работы (с. 23–130) это противопоставление можно считать даже главной линией повествования. Автор полагает, что в Древней церкви на территории Римской империи церковная юрисдикция развивалась от «персональной» (далее я предпочитаю называть ее личной) к территориальной. На этом пути и возникло то, что мы называем ныне канонической территорией. Во-вторых, в тех трех разных регионах христианской ойкумены, которые обозревает автор в своей работе, были выработаны три разные модели отношения церкви к территории (с. 3, 21–22). В каждой из трех частей книги отмечаются особенности характерной для рассматриваемого региона модели. Наконец, третий элемент, или вопрос, который «обрамляет» книгу — он появляется в ее начале (с. 22) и в конце (с. 306–307): дает ли каноничность церковной структуры право на обладание данной территорией (согласно автору, это подход католической церкви)

или, наоборот, факт обладания данной территорией дает право юрисдикции над ней (это, согласно автору, подход православной церкви). Возможно, элементов авторской концепции больше и связь между ними более очевидна и логична, но особенности построения книги затрудняют восприятие этих элементов.

Все три элемента концепции вызывают вопросы и располагают к размышлениям, в чем, наверное, и заключается главное достоинство книги. Своими размышлениями по поводу отмеченных мною элементов концепции я хотел бы поделиться.

Что касается первого элемента, автор исходит из того, что юрисдикция в церкви существовала всегда, изменялась только ее форма — из личной она стала территориальной. Изначальное существование личной юрисдикции — для Григория Приходько аксиома, которая, как и полагается аксиоме, в доказательствах не нуждается. Утверждение о существовании личной юрисдикции появляется уже в начале книги: «В первые три века нашей эры устройство христианских общин под главенством епископов развивается по принципу персональной юрисдикции, которую глава общины распространяет на ее членов — без привязки к конкретной территории» (с. 23). И далее в другом месте: «Юрисдикция епископа, стоящего во главе общины, по крайней мере на начальном этапе, носит более персональный, нежели территориальный характер» (с. 63).

Почему же, однако, изначально существование юрисдикции, к тому же личной, так несомненно? Что она из себя представляла и в чем проявлялась? Обладал ли предстоятель христиан, собравшихся в небольшом древнем городе на евхаристию, личной юрисдикцией по отношению к членам данного собрания? Или он обладал лишь моральным авторитетом? Или моральный авторитет — это форма юрисдикции? Оставался ли христианин, переселившийся в начале II в. из Коринфа в Рим, в личной юрисдикции предстоятеля своей церкви в Коринфе или попадал под юрисдикцию, территориальную или личную, своего нового предстоятеля (при том что в Риме в то время было, как полагают современные исследователи, несколько автономных евхаристических собраний-церквей, отношения между которыми нам не ясны)? Утверждение об изначальноности личной юрисдикции в эпоху возникновения Церкви порождает эти и подобные вопросы. Природа и проявления личной юрисдикции нуждаются в пояснениях, а с моей точки зрения, и само ее существование стоит подкрепить историческими фактами.

Констатация *развития* юрисдикции от личной к территориальной появляется в тексте несколько раз (см., например, с. 72, 73, 77, 129). Но, как и в случае с изначальным существованием личной юрисдикции, движение скорее декларируется, чем доказывается.

Когда Приходько пишет о церквах Африки, он касается и вопроса о времени перехода от личной юрисдикции к территориальной. В Африке он считает временем перехода IV в. (с. 79). Однако приводимые им данные и аргументы оставляют нас все-таки в неведении относительно этого перехода. Так, в частности, Приходько утверждает, что «в общинах Африки епископы обладали *прежде всего* (курсив мой. — В.А.) персональной юрисдикцией» (с. 7). Далее он последовательно толкует как указание на личную юрисдикцию епископа каждое упоминание в канонах «народа» (в разных смыслах этого слова), «людей» — *ἔθνος, plebs sua, plebs aliena, episcopus plebis Mascilianensis* (с. 73, 77, 79) — как объекта власти епископа. Но упоминание «народа» не означает автоматически, что юрисдикция епископа была личной, а не территориальной. Приходько утверждает также, что в канонах соборов IV в. термин «паройкия» (*παροικία*) подразумевает персональную юрисдикцию (с. 73). Сходное утверждение появляется в книге и позже (с. 132). Однако в приводимых Приходько канонах нет ничего, что указывало бы именно на персональную юрисдикцию епископа. Под «паройкией» в этих канонах понимается местная церковь (так, кстати, понимает «паройкию» и сам Приходько; см. с. 91), и без детального анализа текста канонов мы не можем сказать, какой аспект, личный и территориальный, в этом термине преобладает. По-видимому, эти два аспекта не расчленены. Как кажется, на автора чрезмерно влияет этимология слова «паройкия» («временное пребывание», «пребывание на чужбине»), которую он упоминает выше в своей работе (с. 51, 62), но к IV в. значение слова, конечно, могло измениться. Приходько приводит и территориальную лексику из африканских канонов, лексику, которая, по его мнению, свидетельствует о складывающейся территориальной власти епископа. Он даже отмечает как «интересное» смешение территориальных терминов («диоцез», «пределы») и, в его понимании, «персонального» термина «народ» в 11-м правиле Карфагенского собора (с. 78).

Приведя все эти данные из книги Приходько, уместно задаться вопросом, а не были ли указанные термины, часть которых автор трактует как указание на преобладавшую персональную власть

епископа, другую часть же — как указание на усиливающееся территориальное понимание этих терминов, взаимозаменяемы и можем ли мы, говоря о IV в., вычленив из них личный или территориальный смысл? ¹ Или, быть может, правильней для этого периода говорить о вполне сложившейся территориальности власти епископа? Обзорность книги не позволяет ее автору войти в детали. Он удовлетворяется туманной констатацией, что «титулатура, используемая на африканских соборах, обозначает *прежде всего* (курсив мой. — В. А.) персональную юрисдикцию епископа, которая постепенно привязывается к народу, живущему на конкретной территории» (с. 79). Идея Приходько о движении от личной к территориальной юрисдикции небезынтересна, но нуждается в тщательной проверке. В книге же она оставляет впечатление идеи, которую еще предстоит подкрепить историческим исследованием.

Второй существенный элемент концепции автора — тезис о разных моделях отношения церкви к территории в разных регионах христианского мира (Римской империи, Персии и Армении). Автор считает подлинным открытием тот факт, что единого ответа на вопрос об отношении церкви к территории дано не было. Церковь продемонстрировала необычайную способность к адаптации в той среде, в которой она развивалась (с. 3). Это действительно так: ведомая Духом, Церковь Христова обладает удивительной творческой силой и может создавать те формы, институты и служения, которые необходимы ей в данную эпоху, не поступаясь при этом своими «принципами» и верой. Вопрос, который возникает по поводу факта существования разных моделей отношения церкви к территории, — какая же из моделей нормативна и существует ли вообще такая норма? Какая из моделей учит нас нынче более всего? Это вопрос вполне уместный и для автора книги, ведь он начал свое исследование в том числе и для того, чтобы научиться у прошлого (с. 3). Я сформулирую вопрос иначе, более остро: имеет ли национально-родовое, клановое устройство средневековой армянской церкви, с наследственным внутри клана епископатом, такую же нормативную и дидактическую ценность для современного христианства, как устройство самоорганизованных, автономных евхаристических общин в античном Средиземноморье на территории Римской империи? Для меня очевидно, что ответ

1. Из поля зрения автора выпала классическая работа П. Гидулянова «Митрополиты в первые три века христианства» [Гидулянов] с ее тезисом о

совпадении территориального деления устройства Древней церкви с этническим (и территориальным) делением Римской империи.

на этот вопрос должен быть отрицательным. Конечно, долг историка-богослова не судить прошедшие эпохи, тем не менее, вопрос о церковной норме и иерархии ценностей в церковном устройстве существует. К сожалению, вопрос о нормативности обнаруженных автором моделей остался в книге Приходько не затронутым, хотя *сравнительное* историко-каноническое исследование к постановке такого вопроса располагает².

Наконец, третий элемент — вопрос, «обрамляющий» книгу: дает ли каноничность церковной структуры ей право на обладание той территорией, где существуют ее структуры, или факт обладания территорией дает право юрисдикции над ней? Кратко сформулированный автором вопрос звучит так: «Каноничность ли делает территорию, или территория делает каноничность?» (с. 307). Приходько полагает, что ответ на этот вопрос амбивалентен (с. 307), т. е. по сути не высказывает своего мнения относительно того, какой из двух предложенных им ответов правилен. Вопрос, однако, сформулирован так, что он «покрывает» собой далеко не всю нынешнюю реальность. Возможно, такая формулировка отвечает ситуации средневекового спора Рима и Константинополя об Иллирике или установления параллельной латинской иерархии в государствах крестоносцев, где шла борьба между двумя крупнейшими христианскими юрисдикциями, но ныне наиболее типичный и распространенный случай — это сосуществование нескольких христианских юрисдикций, католической и православных, и даже восточно-христианских (не говоря уже о разнообразии, которое привносит протестантизм) на одной и той же территории. Чья бы это территория ни была исторически (как скажем, традиционно католическая Италия), фактически ныне она «ничья», на ней существуют многочисленные христианские юрисдикции, никто из них не претендует на исключительное обладание этой церковной территорией и такой юрисдикционный плюрализм, как правило, гарантируется государством.

Надо сказать, что в конечном итоге дидактический аспект исследования — «уроки истории», сформулированные автором, — оказывается очень скромным. Автор приводит свои выводы, актуальные для настоящего, и дает рекомендации робко, и научающая ценность этих выводов и рекомендаций невелика. Он называет несколько острых, но хорошо известных проблем православно-католических и межправославных отношений, связанных

2. О церковной норме см.: [Афанасьев, 472–473].

с территорией (с. 305–307), но не предлагает на основе своего исследования решений. Так, скажем, о «канонической территории» в том смысле, в котором этот термин употребляется ныне во внутриправославных спорах (я начал свой отзыв с замечаний об этой теме), книга Приходько не дает современному читателю новых знаний.

Работа Приходько имеет два существенных недостатка. Первый я назвал бы некоторой «сыростью» повествования. Широкие временные и региональные рамки работы предполагают ориентацию в огромном количестве весьма разнородных данных, в которых сложно быть одинаково хорошим специалистом. Для их связного и читаемого изложения надо приложить особые и немалые усилия. Автору далеко не всегда удается найти равновесие между изложением исторических данных и их анализом, подчеркнув при этом свои основные находки и заключения. Временами он сбивается на простое перечисление собранного им материала — на упоминание событий, мест, выбранных им из источников, перечисление многочисленных церковных соборов в разных регионах, указание на существовавшие служения, с отдельными замечаниями, но без большего акцента на анализе своих данных и изложении их так, чтобы они были привлекательны и для неспециалиста. Особенно это касается главы, посвященной росту митрополичьих и патриарших округов и конфликтам между Римом и Константинополем (с. 131–213). Попытка еще раз «встряхнуть» свой материал, лучше структурировать его и изложить живее, сделала бы работу Приходько заметно интереснее.

Второй недостаток — содержательный и самый главный. Церковь выступает в книге Приходько почти исключительно как социальный и правовой институт. В работе практически отсутствуют богословские аспекты. Это делает книгу Приходько — я уверен, вопреки намерениям автора — вполне секулярной работой об институте церкви. После века эклезиологии, который оставил нам работы Афанасьева, Шмемана, Зизиуласса, Конгара, де Любака и, казалось бы, научил нас не рассуждать о территориально-юрисдикционных вопросах как об области отдельной от евхаристической и мистической реальности Церкви, такой сугубо институциональный и в общем-то секулярный подход трудно принять. Институциональная реальность церковной жизни, которой посвящена книга Приходько, есть совершенно недостаточный в себе самом уровень бытия Церкви. К счастью, он и не существует в себе самом, но автор как бы не стремится заглянуть за «грубую кору» церковных

институтов, чинов, канонов, терминов и показать читателю, Кому и чему собственно эти институты призваны служить. Церковь предстает на страницах книги достаточно скучным учреждением, занятым преимущественно своим организационным устройством и юрисдикционной борьбой. Я абсолютно уверен, что и сам автор не считает Церковь таковой, однако связать интересующие его проблемы с фундаментальными историческими и современными богословскими вопросами (например, поразмышлять над основным для экклезиологии вопросом, что же такое *местная церковь*, которой принадлежит и служителем которой является епископ и которая существует на определенной территории³⁾ и показать, что Невеста Христова и тот общественный институт, о котором он написал книгу, — это две стороны одной и той же реальности, в данной версии своего исследования ему не удалось.

Литература / References

1. *Афанасьев* = Афанасьев Николай, протопр. О церковном управлении и учительстве // Он же. Церковь Божия во Христе. Москва : ПСТГУ, 2015. С. 470–479.
Afanasiev Nicholas, archpriest (2015). “About Church administration and teaching”, in Idem. *Church of God in Christ: Collection of articles*. Moscow : PSTGU Publ., pp. 470–479 (in Russian).
2. *Гидулянов* = Гидулянов П. Митрополиты в первые три века христианства. Москва : Университетская типография, 1905. VIII, 378 с.
Gidulyanov P. (1905). *Metropolitans in the first three centuries of Christianity*. Moscow : University Printing House (in Russian).
3. *Alexandrov* = Alexandrov V. (2019). “Local Church in Eucharistic Ecclesiology”. *St. Vladimir’s Theological Quarterly*, v. 63, n. 4, pp. 373–396.

Информация об авторе

В. В. Александров, Ph. D. (Medieval Studies), независимый исследователь.

Information about the author

V. V. Alexandrov, Ph. D. (Medieval Studies), Independent scholar.

Рецензия поступила в редакцию 07.03.2023; принята к публикации 10.03.2023.

3. В качестве введения в тему: [Alexandrov].